

A detailed illustration of a man and a woman in a medieval or fantasy setting. The man, on the left, has long, dark, wavy hair and is wearing a dark, heavy coat. He is looking towards the woman with a serious expression. The woman, on the right, has long, wavy, reddish-brown hair and is wearing a green, laced-up dress with a dark green cloak. She has a red, bloody wound on her cheek and is holding a small bundle of dried herbs in her hands. The background shows a sunset or sunrise over a landscape with mountains and a castle tower in the distance.

Анна Эвелина

БЕГЛЯНКА

Анна Эвелина

Беглянка

«Автор»

2026

Эвелина А.

Беглянка / А. Эвелина — «Автор», 2026

Она не мечтала попасть в другой мир, но один шаг навстречу смерти и Москва исчезла. Чужой лес, полный рун. Чёрный дракон с золотыми глазами. Мир, где магия убивает неударенных, а её дар целительства сокровище, за которое будут сражаться. Чёрный дракон назвал её своей. Дал защиту, дом, брак, но его любовь оказалась клеткой, а верность ложью, когда она узнала правду, остался только один путь — бежать. Впереди чужие земли, снежные горы, неизвестность и тот, кто станет её шансом на спасение, но чёрный дракон не отступит. Он будет искать её и когда прошлое настигнет, ей придётся сделать выбор, который изменит всё. «Беглянка» — эмоциональное фэнтези о предательстве, надежде и силе, которая рождается в отчаянном побеге.

© Эвелина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пряная булочка	5
Глава 2. Замок чёрного дракона	8
Глава 3. Чужая среди чужих	13
Глава 4. Разговоры о мирах	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анна Эвелина

Беглянка

Глава 1. Пряная булочка

Москва, конец сентября

Утро пахло кофе и корицей.

Эля вдохнула этот запах, прикрыв глаза, и на секунду позволила себе никуда не спешить. За окном кафешки моросил мелкий дождь, серый и унылый, как большинство московских рассветов, но здесь, внутри, было тепло и уютно. Гудела кофемашина, звякали чашки, пожилой бариста за стойкой напевал что-то себе под нос.

— Пряная булочка и большой капучино, — привычно произнесла она, роясь в сумке в поисках кошелька.

Бариста кивнул, он знал её. Она приходила сюда почти каждое утро — невысокая, худенькая, с русыми волосами, вечно собранными в небрежный пучок, и глазами цвета тёмного янтаря. Из тех, кто всегда торопится, но никогда не забывает сказать «спасибо». Он даже знал её имя — Эля. Она как-то обмолвилась, расплачиваясь картой.

Через минуту горячий стакан уже грел ей ладони, а бумажный пакетик с булочкой лежал на столике. Она нашла свободное место у окна, пристроила сумку на колени и откусила первый кусочек. Пряная, сладкая с хрустящей корочкой — одно удовольствие.

Эля улыбнулась.

Ей было двадцать три, два года назад она вышла из детского дома с документами, маленькой сумкой вещей и огромным желанием доказать всему миру, что она чего-то стоит, что отсутствие родителей не приговор и что можно вырасти в казённых стенах, среди чужих людей, и всё равно стать человеком.

Квартиру ей дали однушку на окраине, в Бирюлёво, с обшарпанными обоями и вечно орущими соседями за стеной, но это было её, её собственное. Её крепость!

Она работала на трёх работах. Официанткой в вечернюю смену, репетитором по английскому для школьников и иногда, по выходным администратором в маленьком книжном магазине, где пахло пылью и старыми страницами. Деньги уходили на еду, проезд, коммуналку и учёбу. Училась она на медицинском, на втором курсе, и каждый экзамен давался ей с боем, но она не жаловалась. Ей говорили: «Зачем тебе это? Ты девчонка из детдома, выйди замуж, и все проблемы решатся».

Она не хотела замуж, пока не хотела. Сначала стать на ноги. Сначала доказать себе, что она может всё сама, а потом, когда-нибудь, да — семья, дети, большой дом и много-много любви, которую она даст своим детям. Той любви, которой у неё самой никогда не было.

В наушниках заиграл любимый трек, что-то ритмичное, бодрое, под что хорошо шагать по городу. Она допила кофе, сунула телефон в карман куртки и выскочила на улицу.

Дождь кончился, сквозь тучи робко пробивалось солнце.

— Хороший день, — пробормотала она и ускорила шаг.

До метро было пять минут пешком. Она знала этот маршрут наизусть, мимо старой девятиэтажки с облупившейся штукатуркой, через двор с разбитой детской площадкой, потом вниз по ступенькам подземного перехода.

В переходе пахло сыростью и сигаретами. У стены сидел бездомный с собакой. Она бросила ему мелочь, не останавливаясь. На эскалаторе привычно встала справа, пропуская торопливых слева. В вагоне былолюдно, но ей повезло, она втиснулась в угол и всю дорогу ехала, прислонившись спиной к стенке.

Мысли текли привычным руслом. Пара по анатомии, потом бегом на работу. Потом если хватит сил посидеть над конспектами и спать. Мало, мало спать.

На «Цветном бульваре» она вышла. Поднялась по эскалатору, поправила сумку на плече и зашагала к выходу из подземки.

Наверху, у выхода, толпились люди. Она машинально отметила женщину с ребёнком девочка лет пяти, в ярко-красном платьице, смешных жёлтых резиновых сапожках. Мать держала её за руку и одновременно говорила по телефону, прижимая трубку плечом к уху.

Эля улыбнулась. Девочка была забавная, что-то лепетала, размахивая свободной рукой, пыталась вырваться вперёд, а потом всё случилось мгновенно.

Девочка выдернула ладошку из материнской хватки и, смеясь, выскочила на проезжую часть.

Эля увидела это краем глаза. Увидела, как ребёнок бежит прямо под колёса огромного чёрного внедорожника, летящего на красный.

Она не думала, некогда было думать. Тело сработало само рывок вперёд, крик, чьи-то руки пытаются её удержать, но поздно.

Она схватила девочку за плечи и толкнула обратно на тротуар, в безопасность, в материнские руки. На одно короткое, бесконечное мгновение она увидела лицо ребёнка — круглые от ужаса глаза, открытый рот.

А потом — удар...

Боль... Ослепительная и разрывающая. Она даже не поняла, куда пришёлся удар, что-то хрустнуло, тело подбросило, как тряпичную куклу. Мелькнуло серое небо, запах жжёной резины и крики.

И темнота...

Тишина была первой, глубокая, вязкая, как вата, а потом — запах.

Лес...

Она почувствовала запах леса. Влажный мох, прелые листья, смола, что-то древнее, дремучее, не городское.

Тело ныло, каждая клетка болела, как будто её пропустили через мясорубку. Она попыталась пошевелиться, боль прострелила бок. Пальцы сжали что-то мягкое и влажное. Мох?

Звуки пришли позже, шелест ветра в кронах. Где-то далеко крик птицы, странный, незнакомый. Хруст веток...

Сознание возвращалось медленно, толчками. Она вспомнила девочку, внедорожник, удар и темноту.

-Я умерла?

Она с усилием открыла глаза. Над ней было небо, но не московское, серое, пронзённое шпильками и проводами. Другое... Высокое, холодное, бледно-голубое и кроны деревьев — огромные, раскидистые, незнакомые. Они смыкались над головой плотным шатром, почти не пропуская солнца.

Лес! Она и правда была в лесу.

Первая мысль дикая, нелогичная, рождённая страхом — ударила в голову: «Водитель, он выкинул меня в лес. Чтобы скрыть улики, чтобы не отвечать».

Она попыталась сесть, боль пронзила рёбра. Зашипела, закусил губу. С третьей попытки всё же поднялась сначала на четвереньки, потом, цепляясь за ствол дерева, на ноги.

В ухе висел наушник, один... Второй болтался на проводе. Музыка не было...

Она огляделась и поняла, что что-то не так, кардинально не так.

Это был не подмосковный лес. Стволы деревьев высокие, прямые, толщиной в два обхвата, были покрыты не корой в привычном понимании. По тёмной поверхности шли узоры или надписи. Сложные, переплетающиеся, они слабо светились в полумраке, испуская бледное зеленоватое сияние.

Эля прикоснулась к стволу, пальцы ощутили тепло. Дерево было тёплым, живым — не в том смысле, в каком живые все деревья, а по-настоящему, почти звериным теплом.

Воздух был густым, пряным. От земли поднимался пар, мох под ногами пружинил, как дорогой ковёр. Где-то вдалеке раздался низкий, утробный звук — не то рёв, не то гул. Хруст веток теперь был ближе. Очень близко...

Совсем рядом кто-то шёл. Большой, тяжёлый и ветки трещали под его шагами.

Страх накрыл её с головой — липкий, парализующий, животный. Она не знала, кто там, в чаще, но всё её существо кричало беги и она побежала.

Понеслась, не разбирая дороги, перепрыгивая через корни, уворачиваясь от низких веток. Ветки хлестали по лицу, цеплялись за волосы, за одежду. Джинсы намокли от росы, кроссовки скользили по мху.

Она бежала и бежала, пока лёгкие не загорелись огнём.

Сколько времени прошло? Минуты? Часы? Лес не кончался. Он становился только гуще, только темнее. Солнце почти не проникало сюда, только редкие пятна света на земле.

Ноги гудели, силы покидали её с каждым шагом. В боку кололо так, что темнело в глазах. Она споткнулась, упала на колени, вдохнула сырой воздух, мысли путались.

Надежда та тоненькая ниточка, что вела её вперёд, почти истончилась и вдруг...

Сквозь деревья впереди проникал свет. Не бледный, зеленоватый, как от рун, а настоящий, солнечный и яркий.

Она поднялась, закусила губу и пошла. Медленно, хромая, но пошла...

Деревья расступились и она вышла на поле.

Огромное, залитое солнцем. Трава зелёная, сочная, высокая, до пояса колыхалась под лёгким ветром и цветы, нескончаемый ковры цветов. Алые, золотые, фиолетовые, белые. Они росли повсюду, сплетаясь в пёстрый ковёр. В воздухе пахло мёдом и чем-то сладким.

На мгновение она забыла о страхе. Сделала шаг вперёд, вдохнула полной грудью, красота невероятная, невозможная, сказочная.

Она медленно обвела поле взглядом и замерла. Взгляд зацепился за что-то огромное, тёмное и неподвижное.

В дальнем конце поля, там, где трава переходила в каменистую осыпь, лежал дракон.

Чёрный! Дракон! Он был просто огромный.

Размером с трёхэтажный дом, чешуя отливала матовым блеском, как обсидиан. Крылья сложены, но даже в сложенном виде они были невероятными, закрывая собой пространство размером с футбольное поле. Хвост длинный, шипастый обвивал тело. Голова размером с микроавтобус.

Эля не могла дышать... Паника накрыла, как гром среди ясного неба сердце бухнуло в груди, ноги словно приросли к земле. Бежать, бежать, бежать... Но тело не слушалось, а дракон уже пошевелился.

Медленно, величественно, с грацией, невозможной для такой туши, он повернул голову и посмотрел на неё.

Глаза огромные, золотые, с вертикальным зрачком уставились прямо на неё. В них горел разум древний, чужой и оценивающий.

Она не могла пошевелиться, не могла отвести взгляд, а потом в голове раздался голос.

Низкий, глубокий, как раскат далёкого грома. Он не звучал в ушах он звучал прямо в сознании, вибрируя в костях.

— Кто ты? Ты не отсюда.

И тьма вновь сомкнулась над ней.

Глава 2. Замок чёрного дракона

Южное королевство, замок генерала Вэйдара

Сознание возвращалось рывками, как будто она всплывала с большой глубины, медленно, преодолевая сопротивление тёмной воды.

Сначала тепло мягкое, обволакивающее, непривычное после сырого мха и холодной земли. Оно окутывало тело, проникало под кожу, успокаивало ноющие мышцы. Потом — свет. Приглушённый, мерцающий, как от свечей. Он пульсировал где-то над головой, и даже сквозь закрытые веки она чувствовала его теплое мерцание. Потом — звук. Потрескивание огня в камине ритмичное, убаюкивающее. Чьё-то дыхание — размеренное, глубокое, нечеловеческое, оно было таким низким и ровным, что скорее угадывалось, чем слышалось.

И боль... Глухая, ноющая, разлитая по всему телу от кончиков пальцев до основания черепа. Особенно сильно болели рёбра и левое плечо, словно по ним проехали чем-то тяжёлым, при каждом вдохе в боку что-то неприятно натягивалось.

Эля открыла глаза и сразу зажмурилась от света.

Над ней был каменный потолок. Высокий, сводчатый, сложенный из грубо отёсанных серых блоков. Почерневшие от времени дубовые балки пересекали его крест-накрест, и на них, как она заметила, присмотревшись, были вырезаны те же узоры, что и на деревьях в лесу похожие на руны, древние, слабо мерцающие в полумраке, тени от огня плясали на камне, создавая причудливые, живые узоры.

Пахло дымом, старым деревом, горячим воском и чем-то ещё — терпким, незнакомым, похожим на смесь сушёных трав, металла и мускуса. Запах был чужим, но не отталкивающим. Скорее, тревожным как и всё в этом месте.

Она лежала на кровати, огромной — такие она видела только в исторических фильмах. Резные столбики по углам, тёмное дерево, отполированное до блеска. Тяжёлое покрывало тёмно-синего цвета, расшитое серебряной нитью, какой-то геометрический узор, незнакомый глазу. Подушки были мягкими, набитыми чем-то шуршащим не то пером, не то сушёными травами, при движении они издавали лёгкий травяной аромат, успокаивающий и немного горьковатый.

Рядом с кроватью стоял небольшой столик из того же тёмного дерева. На нём глиняный кувшин с водой, простая металлическая чаша и сложенный кусок чистой ткани, похожий на бинт, чуть дальше подсвечник с тремя свечами, уже оплывшими, но ещё горящими.

Эля попыталась приподняться на локтях и зашипела от боли. Рёбра пронзило так, что в глазах потемнело.

— Не советую, — раздался голос из темноты.

Спокойный, ровный, без тени сочувствия или тревоги, просто констатация факта. Не тот голос, что звучал в её голове на поле. Тот был глубже, древнее, он вибрировал в костях. Этот был обычным, человеческим низким, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который много молчит и привык, что его слушают.

Эля повернула голову и сердце пропустило удар. В углу комнаты, в глубоком кресле с высокой резной спинкой, сидел мужчина. Он расположился в тени, но света камина хватало, чтобы разглядеть его.

Одет в чёрное, простая рубашка с расстёгнутым воротом, открывающим сильную шею и ключицы, тёмные брюки, заправленные в высокие сапоги из мягкой кожи. Никаких украшений, никаких знаков отличия, только на указательном пальце правой руки массивный перстень с тёмным камнем, в глубине которого, казалось, что-то двигалось. Длинные чёрные волосы густые и тяжёлые, были собраны в низкий хвост, перехваченный простым кожаным шнурком. Несколько прядей выбились и падали на лицо.

Лицо было резким, словно высеченным из камня высокие скулы, прямой нос с лёгкой горбинкой, твёрдый подбородок, тонкие губы, сейчас сжатые в жёсткую линию. На вид чуть за тридцать, может, больше возраст трудно было определить. У глаз собрались тонкие морщинки, но кожа была гладкой, но глаза...

Золотые с вертикальным зрачком, те самые.

Эля дёрнулась, вжимаясь спиной в подушки. Плечо отозвалось болью, но она даже не заметила, сердце колотилось где-то в горле. Дракон! Тот самый чёрный дракон с поля! Теперь в человеческом обличье, но глаза выдавали его с головой, они светились в полумраке, как два раскалённых угля, и в их глубине двигалась древняя, нечеловеческая суть.

— Тише, — произнёс он, не двигаясь. — Если бы я хотел тебя убить, ты бы не проснулась и уж точно не лежала бы в этой постели.

Успокаивало это слабо, но где-то в глубине души она понимала, что он прав. Будь он врагом, зачем ему её лечить? Зачем эта комната, свечи, бинты?

— Где я? — голос прозвучал хрипло, горло саднило, как после долгого крика. Она обли-зала пересохшие губы.

— В моём замке. — Он не шевелился, продолжая сидеть в кресле с расслабленной позой человека, который полностью, абсолютно контролирует ситуацию. — Ты пролежала без сознания почти сутки. Лекарь осмотрел тебя, обработал раны и сказал, что ты выживешь, хотя с твоими повреждениями это было не очевидно. У тебя сломано два ребра, сильный ушиб плеча и множество порезов и ещё, твой организм боролся с магией этого мира. Это тоже не прошло бесследно.

Сутки... Сломанные рёбра... Магия...

Эля снова обвела комнату взглядом, на этот раз более осознанно. Замок, она в замке у дракона, вдругом, чужом мире. Всё это не сон и не галлюцинация, не кома после аварии. Всё по-настоящему лес, руны, поле, дракон, эта комната, этот мужчина с нечеловеческими глазами.

Она опустила взгляд на себя и только сейчас заметила, что одета не в свою одежду. На ней была длинная свободная рубашка из тонкого светло-серого полотна, явно мужская, слишком большая для неё. Рукава пришлось закатать. Её собственная одежда джинсы, свитер, куртка висели на спинке стула у камина. Чистая, аккуратно сложенная. Кроссовки стояли на полу, носки рядом. Даже её сумка была здесь, на стуле, нетронутая и наушники. Один всё ещё висел на проводе, второй лежал отдельно на столике.

Кто-то позаботился, кто-то передел её, обработал раны. Лекарь, сказал он? Значит, здесь есть лекари. Значит, это не дикое место, здесь есть цивилизация, медицина, иерархия.

Это немного успокаивало. Совсем чуть-чуть...

— Ты... вы... тот дракон, — выдохнула она. — С поля.

— Я генерал Кайран Вэйдар, — произнёс он, чуть склонив голову в сдержанном, формальном поклоне. — Командующий южной армией его величества короля Дариона и да, тот дракон как ты догадалась, — в голосе мелькнула тень сухой иронии, лишённой веселья.

Эля молчала, пытаясь уложить в голове происходящее. Генерал... Армия... Король... Это не просто какой-то дракон в лесу, а высокопоставленный военный, аристократ, приближённый к трону и она в его замке, в его постели.

— А ты, — продолжил он, — судя по всему, попаданка. Такое здесь иногда случается, хотя и редко. Раз в несколько лет, может, реже, но ты... ты меня удивила.

— Чем? — спросила она, прежде чем успела подумать.

Он поднялся, движение было плавным, текучим, совершенно беззвучным даже в человеческом теле чувствовалась скрытая мощь, готовая в любой момент обернуться огромным зверем. Ростом он оказался выше, чем она предполагала, не меньше метра девяноста, а может, и больше. Плечи широкие, фигура поджарого воина, привыкшего к доспехам и оружию. Подошёл ближе, становился в нескольких шагах от кровати, разглядывая её с откровенным, изуча-

ющим интересом, как рассматривают редкий артефакт, диковинного зверя или загадку, которую непременно нужно разгадать.

— Твоя одежда, — сказал он, кивнув на стул. — Такую здесь не носят. Ткань странная, покрой чужой, цвета неестественные, но ты говоришь на нашем языке чисто, без акцента, как будто родилась в Южном королевстве. Это странно, обычно попаданцы не знают нашего языка, и приходится учить их с нуля.

Эля замерла, она даже не заметила. Всё, что он говорил, звучало для неё как обычная русская речь такой же, как в Москве, как в кафешке с пряной булочкой и она отвечала ему и он понимал, но теперь, когда он это сказал, она вдруг осознала, что слова, которые она произносила, не были русскими. Они ощущались иначе более плавные, певучие, с какими-то шипящими и раскатистыми звуками, которых нет в русском, но смысл она понимала так же ясно, как если бы говорила на родном, более того — она даже не задумывалась, какие именно слова произносит. Они просто приходили сами, как дыхание.

— Я... не знаю, как это возможно, — прошептала она, прижимая пальцы к губам.

— Магия переноса, — он пожал плечами, словно речь шла о чём-то совершенно обычном. — Мир сам помогает попаданцам освоиться, встраивает язык в сознание, чтобы вы могли объяснить, кто вы и откуда, иначе бы вы все умирали в первые часы. Это своего рода защитный механизм как иммунитет, только магический. Я читал об этом в старых хрониках.

Эля смотрела на него, пытаясь осмыслить услышанное. Магия и язык, встроенный в сознание, хроники. Всё это звучало как бред, но она говорила на чужом языке и понимала его значит, это правда.

— Но язык — не главное, — продолжил он, скрестив руки на груди. — Ты выжила, большинство попаданцев умирают в первые дни, иногда в первые часы. Этот мир кипит магией, она пропитывает воздух, воду, землю, каждую травинку и каждую каплю дождя. Неодарённые создания не выдерживают их тела отторгают саму суть этого мира, разрушаются изнутри. Магический фон здесь настолько высок, что обычный человек просто сгорает, а ты выжила. Почти сутки, без магической защиты, без амулетов, без чьей-либо помощи.

Эля сглотнула, в горле стоял ком.

— Я... не знаю, почему.

— Вот и я хочу узнать, — он разглядывал её, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на азарт охотника, почуявшего крупную дичь. — Как тебя зовут? Твоё настоящее имя.

— Эля.

Она ответила прежде, чем успела подумать, стоит ли ему знать, но какая разница? Она здесь никто. Беглянка из другого мира, что ему её имя?

— Э-ля, — повторил он отдельно, пробуя имя на вкус. — Коротко, резко и ничего не значит. — Он помолчал, что-то обдумывая, его золотые глаза чуть прищурились. — Знаешь, здесь имена имеют силу. Они определяют суть, предсказывают путь. Имя даётся не просто так, оно или отражает душу, или формирует её. «Эля» — пустое имя, оно ничего не говорит ни богам, ни магам, но я могу дать тебе другое.

— У меня уже есть имя, — тихо, но твёрдо сказала она.

Внутри что-то сжалось. Имя это последнее, что у неё осталось от прежней жизни. От Москвы, от детдома, от той девочки, что мечтала стать врачом и пила кофе с булочками по утрам. Имя это единственное, что она принесла с собой, отнять его, значит отнять её саму.

— У тебя есть звук, которым тебя называли в твоём мире, — возразил он, и в его голосе не было злости, только спокойная, непререкаемая уверенность. — Здесь всё иначе. Ты в новом мире, и тебе нужно новое имя, которое будет отражать, кто ты есть теперь и кем ты можешь стать.

Она хотела возразить и не смогла, что-то в его словах задело её глубже, чем хотелось бы. Новый мир, новая жизнь, может и действительно... Может, новое имя — это шанс? Шанс начать всё заново, без груза прошлого, без клейма «детдомовской», без вечной гонки за выживание?

— Какое? — спросила она тихо.

— Элиара. — Он произнёс это медленно, с каким-то странным удовольствием, словно наслаждаясь звучанием каждого слога. — На древнем языке, том, на котором говорили ещё до появления людей, это означает «свет» или «исцеление». Красивое имя, сильное. — Он помолчал, глядя ей прямо в глаза. — Мне кажется, тебе подходит.

Элиара...

Она мысленно повторила имя, покатала на языке. Э-ли-а-ра. Четыре слога, плавные, как течение реки, оно звучало... красиво, даже мелодично. Чуждо, но не враждебно и значение — «свет». Она вспомнила, как в детдоме, лёжа ночью без сна под казённым одеялом, мечтала стать врачом, помогать людям и нести свет. Лечить, вправлять кости, зашивать раны, возвращать надежду. Может, это судьба? Может, этот странный человек с драконьими глазами прав?

— Элиара, — произнесла она вслух, и слово словно засветилось на языке.

— Вот видишь, — уголок его губ дёрнулся в подобии улыбки — лёгкой, едва заметной, но всё же. — Тебе идёт, привыкай. Теперь это твоё имя.

Он развернулся и направился к двери — широким, уверенным шагом человека, который привык, что миры меняются по его воле.

— Отдыхай, Элиара. Завтра утром я покажу тебе замок и мы поговорим о том, как устроен этот мир. Тебе нужно понять правила, если хочешь выжить, а ты, — он обернулся на пороге, положив руку на дверную ручку, — хочешь. Я вижу это по твоим глазам, в них слишком много жизни, чтобы сдаться.

Дверь закрылась с мягким, но тяжёлым звуком глухой стук дерева о камень. Где-то в глубине замка эхом отозвался этот звук, прокатившись по коридорам и затихнув вдаль, она осталась одна.

Элиара лежала неподвижно, глядя в каменный потолок. Мысли метались, как испуганные птицы в клетке. Генерал дракон, его замок и новое имя. Тысяча вопросов и ни одного ответа.

Она думала о Москве, о девочке в красном платье. Интересно, она выжила? Интересно, кто-нибудь вообще заметил, что Эли больше нет? Кто-нибудь придёт на её похороны? Или просто вычеркнут из списков, спишут в архив и забудут?

От этих мыслей становилось горько и холодно.

Через несколько минут она всё же заставила себя подняться. Медленно, осторожно, преодолевая боль в рёбрах, она спустила ноги с кровати. Пол был каменным, но у кровати лежал мягкий меховой коврик, серебристый мех какого-то незнакомого зверя. Она встала, держась за столбик кровати, и сделала несколько неуверенных шагов.

Комната оказалась больше, чем ей показалось сначала. У одной стены массивный платяной шкаф из тёмного дерева, покрытый резьбой, у другой — тяжёлый письменный стол, заваленный картами и бумагами. На столе бронзовая чернильница, несколько заточенных перьев, песочные часы с мерцающим серебристым песком. Над камином висел меч в ножнах длинный, явно боевой, с потёртой рукоятью, обмотанной тёмной кожей. Рядом — небольшой гобелен, изображающий битву, люди и драконы сражались бок о бок против каких-то тёмных, клыкастых тварей с горящими красными глазами.

Она подошла к окну, оно было узким, стрельчатым, забраным кованой решёткой, но без стекла — только деревянные ставни, сейчас приоткрытые. В лицо пахнуло свежим воздухом холодным, но уже не таким чужим, как в лесу. Пахло лесом, травами, влажной землёй и чем-то цветущим, сладким, напоминающим жасмин.

За окном был замковый двор. Каменные стены, крытые галереи, башни с остроконечными крышами, увенчанными флюгерами в виде драконов. Внизу ходили люди... нет, не люди.

Некоторые были обычными с виду, в простой одежде или доспехах, но у других она заметила странности слишком высокий рост, неестественная пластика движений, отблеск чешуи на скулах. Оборотни что-ли? Драконы в человеческом обличье...

Вдалеке, за стенами замка, виднелись горы высокие, тёмные, с заснеженными вершинами, уходящими в облака. Небо было другим более синим, насыщенным, чем в Москве, и на нём висели два солнца.

Одно — большое, золотистое, как родное. Второе — поменьше, серебристое, похожее на яркую звезду. Они висели на разных концах небосвода, и тени от предметов были двойными, перекрещивающимися.

Элиара смотрела на них, чувствуя, как что-то внутри замирает, это был не её мир, совсем не её.

Она отошла от окна, вернулась к кровати и села, обхватив колени руками. На стуле лежала её одежда, её сумка, её наушники — последние вещи из старой жизни. Она потянулась, достала из сумки телефон.

Экран был чёрным, не разбит — просто мёртв. Она нажала кнопку — ничего. Ни вспышки, ни вибрации, ни намёка на жизнь. То ли сел аккумулятор, то ли магия этого мира убила технику. Телефон превратился в бесполезный кусок пластика и стекла — мёртвый, как и её прошлое.

Она положила его обратно в сумку и заплакала беззвучно, скупно. Слёзы текли по щекам, падали на подушку, оставляя тёмные пятна на ткани. Она плакала не от боли и не от страха. Она плакала потому, что только сейчас осознала окончательно, что Москвы больше нет, детства тоже... Учёбы, работы, кафешки — ничего этого больше нет. Той Эли, которая бежала по подземному переходу, спасая девочку в красном платье, больше нет.

Есть только она Элиара в замке чёрного дракона, в мире с двумя солнцами и магией, которая убивает неodarённых.

Она вытерла слёзы рукавом рубашки — грубо, по-детски, — глубоко вздохнула и легла обратно. У неё не было ответов, но у неё было завтра и разговор с генералом, и обещание понять этот мир.

Она заснула под треск камина, под всё ещё пахнущий лесом ветер из окна и под тихий, далёкий звук, похожий на рёв дракона.

Где-то в глубине замка, в большом зале, Кайран Вэйдар стоял у окна и смотрел на догорающий закат. Два солнца садились за горы одно золотое, другое серебряное, окрашивая небо в непривычные, фантастические цвета: пурпур, бирюзу и тёмное золото. Он думал о девушке в гостевой спальне. О её странной одежде, о её глазах цвета тёмного янтаря, о том, как она сказала своё имя — «Эля» — коротко и твёрдо, словно защищаясь.

Попаданка! Живая попаданка, пережившая первые сутки в мире, полном магии. Такое бывает раз в столетие и ему было интересно, что из этого выйдет.

Глава 3. Чужая среди чужих

Проснулась она от стука в дверь.

Стук был негромким, но настойчивым три удара, пауза, ещё три. Элиара открыла глаза не сразу, несколько секунд она просто лежала, глядя в каменный потолок и пытаясь вспомнить, где находится. Потом память вернулась рывком, как удар под дых.

— Госпожа? — раздался из-за двери женский голос, мягкий и почтительный. — Генерал велел помочь вам одеться к завтраку.

Элиара села на кровати, рёбра всё ещё болели, но уже не так остро, то ли лекарь знал своё дело, то ли организм справлялся сам. Она провела ладонью по лицу, откинула спутанные волосы назад.

— Войдите, — сказала она, и собственный голос показался ей чужим.

Дверь открылась, и в комнату вошла женщина. Невысокая, ладно сложенная, с простым, но приятным лицом. Тёмные волосы, тронутые сединой на висках, убраны под светлый чепец. Платье серое, скромное, с белым передником, служанка. В руках она держала стопку одежды.

— Меня зовут Ирэн, — представилась она, приседая в коротком поклоне. — Генерал Вэйдар распорядился, чтобы я заботилась о вас. Вот платье, не новое, но чистое и перешитое под ваш рост. Примерьте, должно подойти.

Элиара смотрела на платье с некоторым сомнением. Она никогда не носила таких длинных, тёмно-зелёных, с узкими рукавами и серебряной вышивкой по подолу. В её мире она предпочитала джинсы и свитера. Но выбора, похоже, не было, так как её собственная одежда хоть и висела на стуле чистой, явно не годилась для этого места.

— Спасибо, Ирэн, — сказала она, принимая платье.

Ирэн помогла ей одеться. Ловкие пальцы служанки быстро справились со шнуровкой на спине, поправили складки, одёрнули подол. Платье село на удивление хорошо, словно и правда шили специально для неё. Ткань была мягкой, приятной к телу, и пахла сушёными травами.

— Волосы бы причесать, — сказала Ирэн, окидывая её оценивающим взглядом. — Позволите?

Элиара кивнула, и служанка принялась распутывать её спутанные русые пряди деревянным гребнем. Движения были аккуратными, почти ласковыми, на мгновение Элиара прикрыла глаза, и ей показалось, что она снова в детдоме, и кто-то из старших девочек помогает ей заплести косу перед утренней линейкой.

— Вы издалека? — спросила Ирэн, не прекращая своей работы.

— Можно и так сказать, — ответила Элиара. — Очень издалека.

— Это заметно, — Ирэн чуть улыбнулась, но в её глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие. — У вас взгляд... другой, не как у здешних женщин. Вы смотрите так, будто всего ожидаете и ничему не удивляетесь.

Элиара не нашлась, что ответить. Эта женщина видела её насквозь и кажется, понимала больше, чем говорила.

— Не бойтесь генерала, — добавила Ирэн тише. — Он суров, но справедлив. Плохого он вам не сделает.

Элиара не была в этом уверена, но спорить не стала.

Через несколько минут она была готова, Ирэн отступила на шаг, оглядела её и удовлетворённо кивнула.

— Вот так. Идёмте, я провожу вас в малую столовую, генерал уже ждёт.

Малая столовая оказалась не такой уж малой. Высокий сводчатый потолок, стены, обитые тёмными деревянными панелями, массивный камин, в котором весело потрескивал огонь. Над камином висела картина — горный пейзаж с летящим драконом. В центре комнаты стоял

длинный дубовый стол, за которым могли бы разместиться человек двадцать, но сейчас за ним сидел только один.

Кайран Вэйдар поднялся при её появлении.

— Элиара, — произнёс он, и в его голосе мелькнуло что-то похожее на удовлетворение. — Тебе идёт это платье, зелёный цвет подходит к твоим глазам, садись.

Она села напротив него, стараясь держать спину прямо. На столе уже был завтрак свежий хлеб, масло, сыр, какие-то фрукты, похожие на маленькие красные яблоки, кувшин с водой и второй с тёмным, пахнущим травами напитком. Элиара вдруг поняла, что ужасно голодна — последний раз она ела... в Москве в кафешке.

— Ешь, — сказал Кайран, словно прочитав её мысли. — Не бойся, не отравлено.

Она взяла кусок хлеба, отломала, положила в рот. Хлеб был тёплым, с хрустящей корочкой, и на вкус оказался совсем как обычный, только чуть слаще и с какими-то пряными нотками. Это немного успокоило, она налила себе напитка из кувшина он оказался ягодным, терпким и освежающим.

Некоторое время они ели молча. Кайран не сводил с неё глаз изучающих, оценивающих. Она старалась не ёжиться под этим взглядом, но это было непросто, его золотые глаза с вертикальным зрачком видели, казалось, каждую её мысль.

— Расскажи о своём мире, — произнёс он наконец, откинувшись на спинку стула.

Элиара отложила хлеб.

— Что именно ты хочешь узнать?

— Всё. Как он устроен, кто в нём живёт. Есть ли магия? Как ты жила? Мне нужно понять, кто ты такая.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Магии нет, — сказала она. — Совсем, наш мир он другой. У нас нет драконов, нет рун на деревьях, нет двух солнц. Мы живём в огромных городах, пользуемся техникой такой как машины, телефоны, самолёты. Мы научились летать без крыльев, строим металлические машины, которые поднимаются в воздух.

Кайран слушал внимательно, не перебивая. Его пальцы рассеянно поглаживали край чаши.

— Я жила в огромном городе, — продолжила она. — Называется Москва. Там много миллионов людей. Больше, чем, наверное, во всём твоём королевстве. Дома высотой в сотни этажей, улицы, заполненные машинами, под землёй ходят поезда...

— Поезда под землёй? — переспросил он.

— Да, чтобы не стоять в пробках наверху.

Он хмыкнул, явно пытаясь это представить.

— Я... — она запнулась. — У меня не было семьи. Я выросла в детском доме, это такое место, где живут дети, от которых отказались родители, много детей. У каждого своя история, но общая судьба — никому не нужны.

В его глазах что-то мелькнуло — быстро, почти неуловимо. Она не поняла, что именно. Жалость? Интерес? Понимание?

— У тебя нет семьи, — повторил он, и это прозвучало не вопросом.

— Нет, я сама по себе с детства.

Он кивнул, словно эта информация что-то для него значила, но не стал развивать тему.

— А магия? Ты сказала, что в вашем мире её нет, но здесь она есть, она повсюду. Воздух, вода, земля — всё пропитано ею. Люди рождаются с даром или без, и те, у кого дара нет, либо живут в специальных защищённых анклавах, либо... не живут вовсе.

— Но я выжила, — тихо сказала она.

— Именно. — Он откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. — Это делает тебя особенной, Элиара. Очень особенной.

Она не знала, что ответить.

После завтрака Кайран повёл её осматривать замок.

Они шли по длинным каменным коридорам, освещённым факелами и магическими светильниками, прозрачными шарами, внутри которых плавали светящиеся точки, медленно кружась, как стайка светлячков. Элиара смотрела по сторонам, пытаясь запомнить дорогу и одновременно впитывая всё, что видела.

Замок был огромным, не просто дом, а целая крепость, встроенная в скалу. Высокие стены, башни с остроконечными крышами, внутренние дворы, соединённые крытыми переходами, казармы, оружейные склады и стойла — несколько огромных каменных арок, ведущих в пещеры прямо в скале. Оттуда тянуло теплом и странным мускусным запахом.

Люди и нелюди — она уже научилась различать оборотней по характерной пластике движений и отблеску чешуи на скулах, занимались своими делами. Воины тренировались во дворе, звеня мечами. Слуги сновали туда-сюда с корзинами и тюками. Где-то в небе, над башнями, кружили два дракона, один тёмно-синий, другой бурый. Их тени скользили по каменным плитам двора.

— Это военный замок, — говорил Кайран, указывая на разные части крепости. — Здесь дислоцируется мой отряд. Три сотни драконов-оборотней, лучшие воины Южного королевства. Мы охраняем южные границы от орков, которые лезут из Пустошей.

— Орков? — переспросила она.

— Да, твари из-за гор. Они плодятся в Пустошах, как крысы, и регулярно пытаются проваться через перевалы. Моя задача — не дать им этого сделать. — Он говорил об этом спокойно, буднично, как о рутинной работе. — Поэтому здесь всё устроено как крепость. Мы всегда готовы к войне.

Они вышли на крепостную стену. Ветер здесь был сильным, холодным, трепал волосы и заставлял щуриться. Внизу расстился замковый двор, а за стенами — бескрайний лес, тот самый, из которого она вышла два дня назад. Деревья уходили к горизонту сплошным тёмно-зелёным морем, и где-то там, в глубине, наверное, всё ещё светились руны на стволах.

— Ты здесь главный, — сказала она, глядя вдаль.

— Да.

— И что теперь будет со мной?

Кайран повернулся к ней. Ветер трепал его чёрные волосы, но он, казалось, не замечал этого. Его золотые глаза смотрели прямо, без тени сомнения.

— Ты останешься здесь. По крайней мере, на время. Я должен понять, что с тобой делать. Ты выжила в мире магии без защиты это невозможно, но это случилось. Ты говоришь на нашем языке — магия переноса, допустим, но выживание... — он покачал головой. — Это другое. В тебе есть что-то, чего ты сама не понимаешь и я намерен это выяснить.

— То есть я пленница? — спросила она прямо.

— Гостья, — поправил он, и в его голосе мелькнула тень усмешки. — Пока что, но покидать замок без моего разрешения тебе не стоит. Ты не знаешь этот мир, не знаешь его законов и опасностей. Шаг за ворота и ты труп. Позволь мне хотя бы научить тебя основам, прежде чем ты решишь героически сбежать.

Элиара не улыбнулась.

— Чему научить?

— Всему, языку магия дала тебе понимание, но ты не умеешь читать, географии, истории, магии — хотя бы в теории. Ты попала в мир, где идёт война, Элиара. Где политика и сила значат всё. Если ты хочешь выжить, ты должна понимать правила игры.

Она смотрела на него и пыталась понять, что скрывается за этими словами. Забота? Расчёт? Искреннее желание помочь? Или простое любопытство как у учёного, изучающего редкий вид бабочек?

— Почему тебе не всё равно? — спросила она. — Ты мог бы просто выкинуть меня за ворота или запереть в темнице. Почему ты помогаешь?

Кайран помолчал, ветер продолжал трепать его чёрные волосы, бросал пряди на лицо. Два солнца золотое и серебряное освещали его резкий профиль.

— Потому что ты интересна мне, — сказал он наконец. — Я давно не встречал ничего... нового, никого нового. Ты — загадка, которую хочется разгадать и пока я её не разгадаю, ты останешься здесь. Под моей защитой.

Он развернулся и зашагал по стене обратно к башне.

— Идём, я покажу тебе библиотеку. Ты начнёшь учиться читать сегодня же.

Элиара постояла ещё несколько секунд, глядя ему вслед. Загадка? Значит, она для него загадка, а не человек или женщина. Головоломка...

Это было обидно, но с другой стороны, это давало ей шанс. Шанс выжить и понять этот мир. Шанс доказать в первую очередь самой себе, что она чего-то стоит даже здесь.

Она вдохнула холодный ветер, пахнувший лесом и снегом далёких гор, и пошла за генералом.

Дни в замке потянулись однообразной, но не скучной чередой.

Каждое утро Ирэн помогала ей одеться и приводила в порядок волосы. Она делала это молча, но с какой-то особой, материнской заботой, и Элиара постепенно привыкла к ней. Иногда они перебрасывались парой слов о погоде, о еде, о новостях замка. Ирэн знала всё и всех и, казалось, была здесь кем-то вроде неофициальной хранительницы порядка.

Каждое утро Элиара завтракала за длинным столом иногда одна, иногда с Кайраном, если он не был занят военными делами. Потом занятия в библиотеке, Кайран выделил ей наставника, пожилого сухого мага по имени Мастер Торвальд, который должен был обучить её грамоте и основам местной истории.

Библиотека оказалась огромной. Высокие до самого потолка стеллажи, уставленные книгами в кожаных переплётах, свитки в футлярах, карты на стенах. Тяжёлый стол у окна, за которым Мастер Торвальд раскладывал свои учебные материалы. Воздух здесь пах старой бумагой, воском и магией сладковатой, чуть покалывающей ноздри.

Мастер Торвальд оказался вьедливым и строгим, но терпеливым. Он не задавал лишних вопросов о её происхождении видимо, Кайран его предупредил. Зато он заставлял её зубрить алфавит, выводить буквы на вощёных табличках, а потом на бумаге, которая здесь была дорогой и пахла странными химическими составами.

— Ты делаешь успехи, — сказал он однажды, проверяя её диктант. — У тебя хорошая память и ты упорна, это редкость.

Элиара кивнула, она привыкла быть упорной, в детдоме по-другому было не выжить.

После занятий с Торвальдом Кайран иногда сам проводил с ней время обычно по вечерам, когда его военные обязанности заканчивались. Он рассказывал о мире и о королевствах, о магии, о войнах. О Южном королевстве, которым правил король Дарион старый, но сильный монарх. О Северном королевстве, с которым был хрупкий, напряжённый мир. О Пустошах, откуда лезли орки тёмные, клыкастые твари, не знающие ни страха, ни жалости. О тёмной магии, которая поражала раны и которую не умели лечить обычные целители.

— Целители? — переспросила она однажды. — У вас есть целители?

— Конечно. Маги, чей дар исцеление. — Он сидел в кресле у камина, рассеянно вращая в пальцах бокал с тёмным вином. — Но они черпают силу из накопителей. Это кристаллы, которые заряжаются магией от природных источников. Сила конечна, понимаешь? Целитель может лечить, пока есть заряд. Потом всё. Он бесполезен, пока кристалл не восполнится, а это может занять дни или недели.

— И что, нельзя лечить без кристаллов? — спросила она.

— Можно, — Кайран пожал плечами. — Но на это уходит собственная жизненная сила целителя. Ты вливаешь в пациента самого себя, можно умереть, исцеляя других. Поэтому так не делают, только в крайнем случае, когда выбора нет.

Элиара запомнила это, что-то внутри неё та часть, что мечтала стать врачом, — отозвалась странным, глухим волнением.

По вечерам она сидела у окна в своей комнате и смотрела на два солнца. Они садились за горы в разное время сначала серебряное, потом золотое. Небо окрашивалось в непривычные цвета пурпур, бирюзу и тёмное золото. Звёзды здесь были другими — незнакомые созвездия, чужие узоры и луна — не одна, а две, большая белая и маленькая голубоватая.

Она думала о Москве, о детдоме, о своей пустой квартире в Бирюлёво, где наверняка уже скопились счета за коммуналку. Интересно, кто-нибудь её ищет? Кто-нибудь заметил, что она исчезла?

Наверное, нет...

Однажды вечером, когда Кайран, против обыкновения, задержался в библиотеке после её занятия с Торвальдом, она спросила:

— А другие попутанцы? Ты говорил, что они здесь бывали. Что с ними стало?

Он сидел у камина с книгой в руках и ответил не сразу. Пламя отражалось в его золотых глазах.

— Некоторые умерли, — сказал он наконец. — Этот мир убил их, просто сжёг изнутри, магия оказалась слишком сильной. Некоторые выжили, но сошли с ума. Магия действует на разум неодарённых... своеобразно. Они слышали голоса, видели то, чего нет и лишь единицы адаптировались. Одна женщина, говорят, стала советницей короля в Северном королевстве. Но это было лет сто назад.

— Значит, шанс есть, — тихо сказала она.

— Есть, — согласился он, поднимая на неё глаза. — Но он мал, очень мал.

Элиара смотрела на него и думала: «Я уже выжила там, где другие умирают. Детдом меня не сломал, Москва не сломала и этот мир не сломает. Я справлюсь, я всегда справлялась».

Она ещё не знала, что главные испытания впереди.

Глава 4. Разговоры о мирах

Прошло две недели.

Элиара постепенно привыкала к замку. Она уже не путалась в бесконечных коридорах и переходах, не вздрагивала от звука шагов за спиной и не замирала в растерянности перед развилками. Она знала, где находится библиотека, массивная дубовая дверь в конце восточного крыла. Знала, где малая столовая с её неизменным камином и портретами прежних генералов на стенах. Знала, где кухня жаркое, шумное царство, куда её иногда пускала Ирэн, чтобы угостить горячей лепёшкой с мёдом или кусочком сыра с травами.

Она научилась различать офицеров гарнизона по лицам и нашивкам на мундирах, серебряный дракон на плече - лейтенант, золотой — капитан, чёрный с рубиновым глазом — генеральская гвардия. Научилась не вздрагивать, когда над головой проносился дракон, заслоня крыльями солнце и на мгновение погружая двор в тень. Научилась даже немного читать — простые тексты, детские сказки, которые давал ей Мастер Торвальд, написанные крупными буквами на грубой бумаге, но главное, она начала понимать этот мир.

Он был жестоким, гораздо более жестоким, чем её собственный. Здесь сила решала всё, у кого больше магии, у кого острее клыки, у кого мощнее армия тот и прав. Здесь не было полиции, судов, правозащитников. Была только власть грубая, первобытная, как в те времена, о которых на Земле писали в учебниках истории. Южное королевство, где она оказалась, было одним из сильнейших государств континента. Им правил король Дарион — старый дракон, о котором говорили шёпотом даже в соседних землях. Говорили, что в молодости он в одиночку сжёг армию врага. Говорили, что его дыхание плавит камень. Говорили, что он никогда не прощает предательства, а самым могущественным из его генералов был Кайран Вэйдар.

— Почему ты служишь ему? — спросила она однажды вечером.

Они сидели в библиотеке. Это стало их ритуалом, после ужина, когда замок затихал и в коридорах оставались только часовые, они встречались здесь. Иногда говорили, иногда молчали — каждый занимался своим делом, но это молчание было уютным, не тягостным.

Кайран, против обыкновения, был не в мундире, а в простой тёмной рубашке с расстёгнутым воротом. Он сидел в глубоком кресле у камина, вытянув ноги к огню, и выглядел почти расслабленным, почти домашним. В руке он держал бокал с тёмным вином, которое здесь называли «кровь гор» — густое, терпкое, с металлическим послевкусием. В камине горел огонь, за окном шумел ветер, и где-то вдалеке перекликались часовые на стенах.

— Королю? — уточнил он, не поворачивая головы.

— Да, ты сильнее его?

Кайран усмехнулся коротко, сухо и без веселья.

— В прямом бою возможно, — сказал он. — В моём возрасте он был силён, но сейчас... годы берут своё, но сила — это не только умение убивать. Дарион дал мне всё, положение, армию, цель. Я был никем, когда он меня нашёл. Уличным мальчишкой, который умел только драться и выживать.

Он помолчал, глядя в огонь. Элиара не перебивала, чувствуя, что сейчас важно просто слушать.

— Я родился в трущобах столицы, — продолжил он. — В квартале, который называли Пепельным. Там жили те, у кого не было ни денег, ни магии, ни надежды. Мои родители погибли, когда мне было пять. Война... Очередной набег орков, они сожгли наш дом. Я не помню их лиц только запах дыма и крики. Потом была улица... Бродяжничество... Драки за еду с такими же, как я. Я выжил, потому что был злее и сильнее других. Потому что драконья кровь давала о себе знать даже тогда, а потом меня нашёл Дарион.

— Как он тебя нашёл? — спросила Элиара тихо.

— Случайно, он объезжал город после очередной победы. Его карета проезжала через Пепельный квартал, и я не зная, что это Дарион, хотел попросить у обеспеченного владельца кареты денег на еду. — Кайран усмехнулся. — Мне было одиннадцать. Я был тощим, грязным и голодным. Меня схватили стражники, скрутили. Думал, убьют, а Дарион вышел из кареты, посмотрел на меня и сказал: «У этого мальчишки глаза дракона» и велел отвезти меня во дворец.

— Просто так?

— Не просто, он увидел потенциал. Драконья кровь — редкость. Драконы-оборотни не часто рождаются в трущобах. Дарион решил, что из меня может выйти толк. Дал образование, тренировки, шанс. Я учился в военной академии, потом служил в его гвардии, потом получил звание и сейчас я здесь, обязан ему всем.

Элиара смотрела на него и пыталась совместить этот образ уличного мальчишки из трущоб с тем, кого видела перед собой. Не получалось... Кайран выглядел так, словно родился в этом замке, с мечом в руке и властью в голосе, но теперь она знала, что за этой безупречной бронёй скрывается прошлое, похожее на её собственное.

— Ты был сиротой, — сказала она тихо.

Он не ответил, огонь в камине отражался в его золотых глазах, делая их похожими на расплавленный металл.

— Да, — сказал он наконец. — Был, как и ты.

— Значит, мы с тобой похожи.

Кайран поднял на неё глаза, что-то изменилось в его взгляде, исчезла привычная ирония, исчез оценивающий холод. Он смотрел на неё иначе, как на равную.

— Да, — произнёс он медленно. — Похоже, мы похожи.

Повисла пауза, ветер за окном выл в башнях, пламя в камине плясало, отбрасывая тени на книжные стеллажи. Элиара чувствовала, что этот момент особенный и хрупкий. Как будто между ними протянулась тонкая, невидимая нить.

— Расскажи мне о своём мире, — попросил он, и это прозвучало не как требование, а как просьба.

И она рассказала...

Она говорила долго, о Москве — огромном городе, который никогда не спит, о его широких проспектах и узких переулках, о высотках, упирающихся в небо, о Кремле и Красной площади, залитой огнями, о метро — целом подземном городе с мраморными станциями и поездами, которые мчатся с невероятной скоростью, о самолётах, которые перевозят людей через океаны за считанные часы, об интернете — невидимой сети, связывающей миллиарды людей, о телефонах, которые умещаются в ладони и могут вызвать человека на другом конце света.

Кайран слушал, не перебивая, иногда задавал вопросы — точные, умные, выдававшие острый, аналитический ум.

— Как работают ваши самолёты? — спрашивал он. — Если у вас нет магии, что держит их в воздухе?

— Двигатели, химическая энергия превращается в механическую. Крылья рассекают воздух, создавая подъёмную силу, это физика, а не магия.

— Физика, — повторял он задумчиво. — Наука о законах природы, у нас тоже есть учёные, но они изучают магию, а не механику. Интересно...

— У нас нет магии, — сказала она. — Но мы всё равно покорили мир, научились летать, плавать под водой, передавать изображения на расстоянии. Мы лечим болезни, которые раньше убивали миллионы. Мы даже в космос летали за пределы планеты.

— За пределы мира? — он поднял бровь. — Вы покидали свой мир?

— Не совсем, мы покидали поверхность планеты. Вылетали в пустоту, где нет воздуха, и смотрели на звёзды вблизи. Там, в космосе, наша Земля выглядит как голубой шар.

Кайран долго молчал, осмысливая услышанное.

— Это... трудно представить, — признался он. — У нас никто не покидал пределов мира. Говорят, что за небесной сферой хаос, царство древних богов, куда смертным нет хода.

— У нас нет богов, — сказала Элиара. — По крайней мере, мы не можем доказать их существование, у нас есть наука и технология.

— И при этом ты попала сюда, — заметил он. — В мир, где магия реальна, а боги иногда отвечают на молитвы.

— Да, — согласилась она. — Ирония судьбы.

Они помолчали.

— Расскажи о себе, — попросил Кайран. — Не о мире, а о тебе.

Элиара вздохнула. Рассказывать о мире было проще, о себе — сложнее.

— Я выросла в детском доме, — начала она. — Это такое место, где живут дети, у которых нет родителей. Кого-то бросили при рождении. Кого-то изъяли из семьи. У всех разные истории. Моя — самая обычная. Меня оставили в роддоме. Ни записки, ни имени. Мне дали имя Эля — просто потому, что оно короткое и ни к чему не обязывает.

— А фамилия? — спросил он.

— Здесь нет фамилий у сирот. Только имя. Фамилию дают позже, при усыновлении. Но меня не удочерили.

— Почему?

— Я была... сложным ребёнком, — она слабо улыбнулась. — Упрямая, с характером. Потенциальные родители хотят милых, послушных детей, а я не была милой. Я кусалась и не давала себя в обиду.

Кайран хмыкнул — одобрительно.

— В детдоме было трудно, — продолжила она. — Много детей, мало внимания, старшие обижали младших. Воспитатели закрывали глаза, чтобы выжить, нужно было быть сильной, я научилась. Дралась, когда нужно. Молчала, когда нужно. Терпела, когда не было другого выхода и мечтала.

— О чём?

— О свободе, о том дне, когда я выйду из детдома и начну свою собственную жизнь без чужих правил, без общих спален и казённой еды. Я хотела стать врачом, лечить людей и приносить пользу.

— Врач — это как наш целитель? — уточнил он.

— Да, только без магии. С помощью знаний, лекарств, операций. Я поступила в медицинский, училась и работала одновременно на трёх работах, чтобы платить за квартиру и еду. Спала по четыре часа в сутки, но я была счастлива. У меня была цель и я шла к ней.

— И ты её достигла?

— Почти, — она опустила глаза. — А потом я оказалась здесь.

Кайран отставил бокал. Поднялся, подошёл к окну. За окном уже стемнело, и два солнца давно сели за горы. На небе висели две луны их свет заливал двор замка холодным серебром.

— Ты скучаешь по своему миру? — спросил он, не оборачиваясь.

Элиара задумалась. Скучает ли она? По утрам, когда просыпалась в огромной кровати под тёмно-синим покрывалом, она иногда забывала, где находится. Ей казалось, что сейчас она встанет, сварит кофе, схватит сумку и побежит на учёбу, а потом память возвращалась, и она видела каменный потолок, слышала дыхание замка и понимала, что Москвы больше нет.

— Иногда, — сказала она честно. — По утрам, но там у меня ничего не было, детдом — не семья, квартира — не уютный дом, работы — не карьера. Я была одна, и моя жизнь была бесконечной гонкой без финиша. Здесь... здесь у меня есть шанс начать всё заново.

Кайран обернулся.

— Шанс на что?

— На жизнь, — просто сказала она. — Настоящую, не выживание, а жизнь.

Он долго смотрел на неё. В его глазах читалось что-то, чего она не могла понять.

— Ты удивительная, Элиара, — сказал он тихо. — Большинство попаданцев, о которых я читал, сходили с ума от тоски по дому, а ты... ты смотришь вперёд.

— У меня нет дома, по которому можно тосковать, — ответила она. — Мой дом — это я сама, где я — там и дом.

Кайран медленно кивнул.

— Это редкое качество, ценное.

Он вернулся в кресло. Налил себе ещё вина, ей предложил, но она отказалась.

— У нас есть похожий напиток, — сказал он. — Горький отвар из корня драконьего когтя. Его пьют перед боем для бодрости, но это не для удовольствия — скорее, по необходимости.

— У нас тоже есть бодрящие напитки, — улыбнулась она. — Кофе, например и ещё энергетики, но они вредные.

— А что насчёт еды? — спросил он. — Что ты любила есть в своём мире?

— Пряные булочки, — ответила она, и на её лице появилась тёплая, чуть грустная улыбка. — Мягкие, с корицей и сахаром, их подавали в кафешке рядом с моим домом. Я покупала одну каждое утро. Это был мой ритуал, маленькая радость перед длинным днём.

— У нас таких нет, — сказал Кайран. — У нас есть хлеб с тмином, лепёшки с мёдом, пироги с мясом и травами, но пряных булочек нет.

— Жаль, это вкусно. Может, когда-нибудь я испеку их здесь.

Он улыбнулся, на этот раз по-настоящему, тепло.

— Я бы попробовал.

В конце третьей недели Элиара стала замечать взгляды.

Не все в замке относились к ней так, как Кайран или Ирэн. Молодые офицеры — драконы-оборотни из гарнизона провожали её глазами, когда она шла через двор. Перешёптывались за спиной, она слышала обрывки фраз: «попаданка», «без магии», «интересно, какая она...». Это нервировало, она привыкла быть невидимкой в своём мире сливаться с толпой, не привлекать внимания. Здесь это было невозможно.

Однажды её остановил лейтенант. Высокий, светловолосый, с серебристой чешуёй на висках и холодными серыми глазами, он преградил ей дорогу у входа в библиотеку.

— Госпожа Элиара, — произнёс он, чуть склонив голову в поклоне, который выглядел скорее насмешливым, чем почтительным. — Я слышал, вы из другого мира. Это правда?

— Правда, — ответила она осторожно, сжимая в руках книгу.

— Это... необычно, — он улыбнулся, и в его улыбке было что-то, что ей не понравилось, слишком пристальное и слишком оценивающее. Его взгляд скользнул по её лицу, по фигуре, задержался на губах. — Вы не похожи на наших женщин, в вас есть что-то... дикое, свободное, наши женщины — они как прирученные птицы, а вы — дикая. Это притягивает...

— Я просто другая, — сказала она сухо. — Извините, мне нужно идти, Мастер Торвальд ждёт.

Она попыталась обойти его, но он шагнул в сторону, снова загораживая проход.

— Меня зовут Рейнхарт, — сообщил он. — Я лейтенант второго крыла. Если вам что-нибудь понадобится, что угодно, обращайтесь ко мне. Генерал не всегда может быть рядом, а я... я всегда свободен.

— Я учту, — бросила она и, резко обойдя его, скрылась за дверью библиотеки.

Вечером она рассказала об этом Кайрану. Он слушал молча, но его пальцы, сжимавшие край стола, побелели.

— Рейнхарт, — произнёс он, и в его голосе прозвучала сталь. — Мой лейтенант. Хороший воин, но слишком самоуверенный.

— Он просто говорил, — сказала Элиара. — Ничего такого.

— Это пока «ничего такого», — Кайран поднял на неё глаза. — Если он или кто-то другой позволит себе лишнее, скажи мне.

— И что ты сделаешь?

— Накажу, — коротко ответил он. — Ты гостя в этом замке, под моей защитой, никто не имеет права...

— Я не твоя собственность, — перебила она, и в её голосе прозвенела сталь. — Я сама могу за себя постоять.

Кайран поднял бровь.

— Правда? Ты, без магии, без оружия, без знания этого мира — против дракона-оборотня? Против того, кто в бою стоит десятка обычных воинов?

— Я не беспомощна, — упрямо сказала она.

— Нет, — согласился он неожиданно. — Не беспомощна, ты одна из самых сильных женщин, которых я встречал, но сила бывает разной. Твоя сила — внутри, а их сила — в когтях и клыках. — Он помолчал. — Ты не знаешь наших законов. У нас женщина без защиты мужчины — добыча. Хочешь ты этого или нет. Позволь мне хотя бы обеспечить тебе эту защиту, пока ты не научишься защищать себя сама.

Элиара хотела возразить, но не нашла слов. В его словах была логика. Неприятная, но логика. Этот мир не был её миром. Здесь правила были другими.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Но я не собираюсь вечно прятаться за твоей спиной.

— Я на это и не рассчитываю, — усмехнулся он. — Ты не из тех, кто прячется.

В конце четвёртой недели в замке случилось происшествие.

Элиара сидела в библиотеке, разбирая очередной текст под присмотром Мастера Торвальда. Старый маг был терпелив, но требователен, и сегодня они бились над сложным историческим трактатом, написанным архаичным языком. За окном моросил дождь, в камине уютно потрескивал огонь, и она почти забыла о том, что находится в чужом мире, а потом в коридоре раздались тяжёлые шаги.

Много шагов, топот сапог, лязг металла, отрывистые команды. Дверь библиотеки распахнулась, и вошёл Кайран — в полном боевом облачении. Чёрный доспех с золотой насечкой сиял в свете камина. На поясе висел меч — тот самый, что она видела над камином в первый день. Лицо его было мрачным, как грозовая туча.

— Собирай отряд, Торвальд, — бросил он магу. — Орки прорвались через восточный перевал. Пятый гарнизон разбит, требуется немедленная поддержка.

Торвальд побледнел, но тут же вскочил. Схватил посох, стоявший у стены длинный, покрытый рунами и не сказав ни слова, поспешил к выходу.

Кайран повернулся к Элиаре.

— Я уйду на несколько дней. Возможно, на неделю. Ты остаёшься здесь, за ворота ни шагу. Ирэн позаботится о тебе. Она знает замок лучше, чем кто-либо.

— А если орки прорвутся сюда? — спросила она, чувствуя, как внутри поднимается холодный страх.

— Не прорвутся, — отрезал он. — У нас достаточно сил, чтобы удержать замок, но если что, в подвале есть укрытие. Ирэн знает, где оно, доберитесь туда и ждите.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но Элиара вдруг вскочила и, не думая, схватила его за руку, он замер.

— Будь осторожен, — сказала она тихо. — Возвращайся.

Кайран обернулся, их глаза встретились. В его золотых глазах она увидела что-то, чего не видела раньше тёплое, удивлённое, почти растерянное.

— Постараюсь, — сказал он.

Элиара осталась одна в опустевшей библиотеке. Книга, которую она читала, всё ещё лежала на столе, раскрытая на середине. Свечи дрожали от сквозняка. За окном ревели драконы, поднимаясь в воздух один за другим, десятки, сотни. Их крылья создавали ветер, который заставлял стекло в окнах дрожать. Она подошла к окну и увидела, как огромные тени проносятся над замком. Золотые, синие, бурые, серебристые — целая армия драконов уходила на восток, к далёким горам, где сейчас лилась кровь.

Среди них был один, кого она искала глазами. Огромный чёрный дракон, поднявшийся выше всех. Его чешуя сверкала, как обсидиан. Его крылья рассекали облака. Его рёв — мощный, глубокий — прокатился над замком, и что-то внутри Элиары дрогнуло.

Она стояла у окна, пока последний дракон не скрылся за горизонтом.

— Возвращайся, — прошептала она в пустоту. — Пожалуйста, возвращайся.

И впервые за долгое время она молилась, не богам — она не знала здешних богов, просто молилась, чтобы он вернулся живым.

Дни без него тянулись мучительно медленно...

Замок опустел. Большая часть гарнизона ушла с генералом — остались только минимальные силы для обороны, в основном молодые воины и ветераны, уже не годные для дальних походов. Во дворе больше не звенели мечи, в коридорах не слышался смех офицеров. Тишина стояла густая, вязкая, нарушаемая только завыванием ветра в башнях.

Элиара пыталась занять себя, читала, занималась с Торвальдом, который тоже остался в замке — старый маг был нужен для поддержания защитных заклинаний. Помогала Ирэн на кухне чистила овощи, месила тесто, слушала рассказы служанки о её жизни.

Ирэн оказалась вдовой, её муж погиб десять лет назад в такой же войне с орками, у них не было детей.

— Я осталась одна, — говорила Ирэн, раскатывая тесто для хлеба. — Генерал взял меня в замок из жалости, дал работу, крышу над головой. Я ему благодарна.

— Он часто так делает? — спросила Элиара. — Помогает тем, кто в беде?

— Чаше, чем хочет показать, — Ирэн улыбнулась. — Он строит из себя сурового воина, но сердце у него... не каменное. Просто он никому этого не показывает.

Элиара запомнила эти слова.

По ночам она не могла уснуть. Ворочалась в постели, прислушивалась к звукам замка. Каждый скрип, каждый шорох казался предвестником беды. Она представляла, что там, в далёких горах, идёт бой, что драконы сражаются с орками. Что Кайран... Нет. Она запрещала себе думать об этом.

На пятый день она стояла на крепостной стене и смотрела на восток. Ветер трепал её волосы, пронизывал до костей, но она не уходила. Часовые уже привыкли к ней и не прогоняли и вдруг она увидела.

На горизонте, над горами, появилась точка, за ней другая, третья. Десятки точек, которые стремительно приближались, росли, обретали очертания.

Драконы возвращались.

Она бежала по лестнице, по коридорам, во двор и оказалась там как раз в тот момент, когда первый дракон, огромный синий, тяжело опустился на каменные плиты. Он был ранен крыло порвано, на боку глубокая рана, из которой сочилась кровь, за ним последовали другие и наконец — последним — приземлился он.

Чёрный дракон, её чёрный дракон. Он был покрыт кровью — своей и чужой. Его левое крыло было повреждено, на груди зияла рана, которая дымилась тёмной магией, но он был жив.

Элиара стояла на ступенях замка и смотрела, как дракон трансформируется. Вот огромное тело уменьшается, чешуя втягивается, крылья исчезают и на каменных плитах остаётся человек. Кайран... Бледный, израненный, но держащийся на ногах.

Их глаза встретились через весь двор.

Он улыбнулся устало, чуть заметно и она вдруг поняла, что плачет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.